

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-Е ГГ.*

Анна Гегамовна Наронская,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
a.g.naronskaia@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Наронская А.Г. Особенности институционализации региональной элиты Свердловской области в 1990-е гг. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 112–127. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_112

Аннотация

Целью статьи является выявление особенностей институционализации региональной элиты Свердловской области. Методология исследования основана на институциональном, системном и сетевом подходах, используя которые автор анализирует 1990-е гг. – важнейший период в становлении и развитии властных групп региона. В целом после распада Советского Союза институционализация региональных элит была связана с развитием новых устойчивых видов взаимодействия между субъектами региональной власти, политическими институтами, а также с внешнеполитическими акторами. При этом типичными характеристиками постсоветских региональных элит являлись их номенклатурное происхождение, синкретизм власти и собственности, персонифицированный характер политического лидерства. Подчеркивается, что ключевая особенность институционализации региональной элиты Свердловской области в 1990-е гг. – доминирование неформальных механизмов ее функционирования, что привело к формированию властных групп, пронизанных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20–414–660001 p_a.

© Наронская А.Г., 2021

патрон-клиентскими отношениями. Несмотря на постоянные противоречия между ними, объединяющим фактором было стремление к легитимации своего статуса, что определило особенности их институционализации. К этим особенностям автор относит конфликт с федеральным центром и попытку создания Уральской республики, акцентирование региональной идентичности, а также стремление обрести международную субъектность. Все эти процессы были связаны с деятельностью первого губернатора Свердловской области Э.Э. Росселя. Делается вывод о том, что в 1990-е гг. произошла частичная институционализация элиты Свердловской области, основным результатом которой стало формирование устойчивых региональных групп. Данные группы, обладая ограниченной субъектностью, не могут самостоятельно создавать институциональные правила игры, но могут адаптироваться к новой политической ситуации, сохранять признаки региональной идентичности и воспроизводить себя в качестве элиты даже в условиях политической и экономической нестабильности.

Ключевые слова:

региональная элита, политический институт, институционализация, Свердловская область, Уральская республика, Э.Э. Россель, региональная идентичность, международная деятельность.

UDC 323

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_112

INSTITUTIONALIZATION SPECIFIC OF THE SVERDLOVSK REGION ELITE IN THE 1990-S*

Anna G. Naronskaya,

Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
a.g.naronskaia@urfu.ru

Article received on July 05, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Naronskaya, A. G. (2021). Institutionalization Specific of the Sverdlovsk Region Elite in the 1990-s. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(3), 112–127. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_112

---

* The reported study was funded by RFBR and Sverdlovsk Region, project number 20-414-660001 r_a.

Abstract

The article is aimed at studying institutionalization specific of the Sverdlovsk Region elite. Methodology of the research is based on institutional, system and network approaches, which are used by the author to analyze the period of the 1990s – the essential stage in genesis and development of power groups in the region. In general, after the collapse of the USSR, institutionalization of regional elites was associated with elaboration of new stable forms of interaction between regional authorities, political institutions, as well as with foreign policy actors. Nomenclature origins, syncretism of power and property, and personalization of political leadership used to be the typical characteristics of the post-Soviet regional elites. The article stresses that the key feature of Sverdlovsk Region elite institutionalization in the 1990s was the dominance of informal mechanisms of its functioning, which led to formation of power groups permeated with patron-client relationship. Despite the permanent conflicts between them, the unifying factor was motivation to legitimize their status, which determined their institutionalization features. The author also refers to them the conflict with the federal center and the project of the Ural Republic, the emphasis on regional identity, as well as the desire to gain international recognition. All these processes were related to political activities of the first Governor of the Sverdlovsk Region Eduard E. Rossel. It is concluded that the 1990s was the period of partial institutionalization of the regional elite in the Sverdlovsk Region, its main result was establishment of stable power groups. These groups have limited authority and no chance to create institutional rules of the game, but they can adapt to a new political situation, retain signs of regional identity and reproduce themselves as an elite even in conditions of political and economic instability.

Keywords:

regional elite, political institution, institutionalization, Sverdlovsk Region, Ural Republic, Eduard E. Rossel, regional identity, international activity.

Введение

Процессы трансформации и модернизации российской государственности определили научную актуальность исследований политических элит. Элитология стала важнейшим направлением отечественной политической науки. Современные российские исследователи изучают как методологические основания теории элит, так и состав, каналы рекрутирования, динамику и трансформацию российских элитных групп. Приоритетным объектом изучения для российских элитологов являются региональные властные группы. Исследования О. В. Гаман-Голутвиной, Н. Ю. Лапиной, А. К. Магомедова, А. В. Понеделкова, Д. Б. Тева, Р. Ф. Туровского, А. Е. Чириковой раскрывают региональную структуру власти, особенности взаимодействия политических, экономических, социальных групп российских регионов, динамику и характер их взаимоотношений с федеральным центром.

Вместе с тем при изучении становления и развития региональных правящих элит возникают сложности, которые связаны со следующими обстоятельствами.

Во-первых, продолжаются методологические дискуссии и споры среди современных элитологов по поводу дефиниции термина «элита». Большинство исследователей изучают данный феномен в логике структурно-функционального подхода как функциональную группу, исключая меритократический критерий. По мнению крупнейшего представителя современной элитологии Дж. Хигли, элиты (включая представителей крупного бизнеса, государственной бюрократии, СМИ, военных, ключевых групп давления и политических партий) – это группы, которые обладают организованным потенциалом для регулярного и сильного воздействия на политические решения (Хигли, 2006, с. 24). Следуя данной логике, к региональной правящей элите относятся те субъекты, которые владеют ресурсами власти, занимают ведущие позиции во властной иерархии региона и принимают важнейшие стратегические решения.

Во-вторых, политическое и культурное многообразие российских регионов усложняет возможности для научного обобщения и выявления единых закономерностей в развитии региональных элит современной России. В то же время это способствует всестороннему научному анализу конкретного региона или небольшой группы регионов (Магомедов, 2000; Понеделков, Старостин, 2008).

В-третьих, нестабильность российского федерализма, его асимметричный характер, высокий уровень регионального неравенства приводят к перманентному реформированию федеративных отношений, изменению правил игры между центром и регионами и, как следствие, усложнению процесса исследования региональных властных групп.

Несмотря на вышесказанное, научная значимость исследований региональных элит очевидна и обусловлена процессами институционализации правящих групп российских регионов в постсоветский период.

Цель настоящей статьи – выявить общие и специфические характеристики институционализации региональной элиты Свердловской области. Акцент в статье сделан на 1990-е гг., т. к. именно этот период наиболее значим в становлении и развитии властных групп региона.

Результаты исследования

На рубеже 80–90-х гг. XX в. происходит разрушение структуры и системы организации власти СССР, связанное с ликвидацией основных политических институтов государства, прежде всего КПСС и системы Советов. В результате относительно сплоченная номенклатурная элита утрачивает свою целостность, начинается процесс формирования постсоветской элиты, в ходе которого происходит институционализация региональных правящих групп. В логике неоинституционального подхода институт – это формальные и неформальные правила, которые устанавливают устойчивые структуры взаимодействий между группами политической элиты (Норт, 1997, с. 17). Институционализация элиты предполагает, прежде всего, оформление доминирующей группы, стремящейся к самовоспроизводству и закреплению своих властных позиций (Быстрова и др., 2019, с. 26) через установление новых устойчивых видов взаимодействия и функционирования элитных групп (групп региональной элиты). С учетом того, что внутриэлитные взаимодействия носят сложный, перекрестный и зачастую

неформальный характер, результатом институционализации становится формирование политических сетей. Сетевой подход достаточно широко применяется при исследовании как институциональных изменений, так и особенностей функционирования политических элит (Сморгунов, 2001; Higley & Pakulski, 2004; Hoffmann-Lange, 2007; Rhodes & Marsh, 1992). Р. Родс и Д. Марш определяют политическую сеть как комплекс структурных взаимоотношений между политическими институтами государства и общества (Rhodes & Marsh, 1992, р. 10–13). Теоретик сетевого институционализма К. Анселл отмечает, что сеть может считаться институтом пока представляет собой стабильный образец взаимодействия между людьми и организациями (Ansell, 2008).

Говоря о политической сети, нужно отметить, что:

1) сетевые взаимодействия предполагают мобилизацию ресурсов, обмен информацией между участниками, а также накладывают ограничения на действия людей и функционирование институтов;

2) сетевые взаимодействия не обязательно основаны на ценностном единстве и политической солидарности, напротив, они могут быть крайне конфликтными (Рябушко, 2016, с. 43);

3) результатом сетевых взаимодействий является разработка, принятие и исполнение политических решений;

4) регионализация и глобализация способствуют тому, что национальные и региональные элитные группы становятся активными участниками мировой политики и формально или неформально включаются в международные сетевые коммуникации и взаимодействия.

Таким образом, институционализация постсоветской региональной элиты, была, прежде всего, связана с развитием новых устойчивых видов коммуникации, взаимодействий между субъектами региональной власти, политическими институтами, а также с внешнеполитическими акторами.

Для оценки институционализации правящей элиты Свердловской области обратимся к особенностям ее становления и развития. В целом институционализация региональных элит в 1990-е гг. имела целый ряд общих характеристик, которые в свою очередь определили развитие федеральной элиты России. А.В. Понделков и А.М. Старостин (2006) справедливо отмечают, что региональная элита зачастую является ретранслятором политических импульсов, исходящих из федерального центра. Таким образом, институционализация правящей элиты Свердловской области, с одной стороны, была типичной для региональной элиты постсоветского периода, с другой – имела ряд специфических особенностей.

Среди типичных характеристик институционализации региональной элиты Свердловской области выделим следующие.

Во-первых, правящие элиты региона формировались на основе советской номенклатуры, которая стала основным источником кадров для новых властных групп. Региональная элита Свердловской области формировалась преимущественно из хозяйственной советской номенклатуры. Примером может служить биография первого губернатора области Э.Э. Росселя, руководителя треста «Главсредуралстрой», председателя Свердловского облисполкома, главы администрации Свердловской области, а также первого председателя Свердловской областной думы.

Во-вторых, относительно сплоченная региональная номенклатурная элита разделилась на политическую и экономическую группы, но при этом синкретизм данных групп, а соответственно, власти и собственности не только сохранился, но и усилился за счет процессов приватизации, в результате чего номенклатурная элита успешно конвертировала свой политический капитал в экономические ресурсы. «Номенклатурная приватизация» началась в 1987 г. до начала официальной приватизации в 1992 г., когда увеличились полномочия по контролю над предприятиями представителей региональных властей. Активы региональных предприятий переводились в создаваемые при предприятиях кооперативы либо в новые предприятия, организуемые внутри старых (Андрефф, 2004, с. 57). В результате региональные чиновники приватизировали государственные организации для себя и своей «команды». Этот процесс определил формирование региональных элитных групп, которые по своим интересам значительно отличались от отраслевых групп советской элиты. Новые элиты ориентировались, прежде всего, на главу региона, лояльность к которому стала главным механизмом элитного рекрутирования. С.И. Барзилов и А.Г. Чернышев (2005), исследуя процессы в российских регионах с 1985 по 2005 гг., показали, что система рекрутирования в состав региональной политической элиты была подчинена двум основным принципам – безоговорочная ориентация на главу региона и лояльность ему как главный критерий отбора (с. 9).

В-третьих, номенклатурное прошлое и процессы приватизации способствовали тому, что государственно-административный аппарат стал ключевым каналом рекрутирования региональной элиты. Произошло воспроизводство нового варианта командно-административной системы не идеологизированного типа, где тон задают администраторы (Рябушко, 2017, с. 20). Вторым по значимости каналом отбора региональной элиты стал крупный бизнес. Нужно отметить взаимную проницаемость каналов рекрутирования региональных элит и частные переходы из власти в бизнес. Например, ближайшие соратники и ключевые политические фигуры правящей элиты Свердловской области 1990-х гг. А.П. Воробьев (председатель правительства Свердловской области с 1996 по 2007 гг.) и В.М. Голубицкий (заместитель председателя Правительства Свердловской области с 1999 по 2002 гг.) перешли работать в группу компаний «Ренова». При этом В.М. Голубицкий был частью научной интеллигенции, представители которой в 1990-е гг. активно рекрутировались в политическую элиту как федерального, так и регионального уровней.

В-четвертых, персонифицированный характер регионального политического лидерства, особенно в 1990-е гг., в результате чего этапы развития региональных политических институтов и особенности институционализации региональных элит определяются сроком полномочий главы региона. В Свердловской области ключевым этапом институционализации правящей элиты региона был период политического лидерства Э.Э. Росселя с 1991 по 2009 гг. А.С. Мишарин (2009–2012) незначительно повлиял на развитие региональной элиты, т.к. за два с половиной года своих полномочий губернатор не смог ни сформировать свою властную элиту, ни стать политическим лидером основных правящих групп региона. Губернаторство Е.В. Куйвашева с 2012 по 2020 гг. можно рассматривать в качестве второго этапа институционализации элиты Свердловской области, хотя вопрос, насколько региональные элитные

кланы приняли «варяга» в качестве своего политического лидера и лояльны по отношению к нему, остается открытым.

В-пятых, конфликтный характер институционализации региональных элит. В 1990-е гг. были распространены следующие типы конфликтов: между губернатором и региональным парламентом, между губернатором и мэром столицы региона, между главой региона и руководителями региональных отделений федеральных структур власти. Для Свердловской области ключевым конфликтом стало личное противостояние губернатора Э.Э. Росселя и мэра Екатеринбурга А.М. Чернецкого, которое во многом определило развитие и специфику политического процесса региона не только в 1990-е, но и в 2000-е гг. (Мухаметов, 2015, с. 135).

Наконец, ведущая характеристика институционализации постсоветских региональных элит – это доминирование неформальных механизмов формирования и функционирования элиты, на основе которых происходило формирование сетевых отношений и взаимодействий региональных элит. Субъектами региональной элиты стали неформальные группы, пронизанные патрон-клиентскими отношениями. На место жесткой советской административной иерархии и подчинению пришла гибкая система коммуникации в рамках новых неформальных элитных образований. По мнению О.В. Михайловой (2014), подобные неформальные группы представляют собой внутриэлитарные сети (с. 238). Используя типологию политических сетей Р. Родса и Д. Марша, можно отнести региональные элитные сети к «политическим сообществам» (policy communities) с клановой структурой, ограниченным членством, вертикальной взаимозависимостью.

В 1990-е гг. структура российских элитных групп состояла из тесно связанных между собой политических, экономических, силовых (нередко криминальных) и медийных структур во главе с публичным политиком (Kryshtanovskaya & White, 2011, pp. 35–36). Например, элитная группа Э.Э. Росселя состояла из администрации губернатора, членов регионального правительства, членов общественного объединения губернатора «Преображение Урала» (создано в 1993 г.), руководителей ключевых предприятий региона, таких как группа «Евраз», группа «Ренова», комбинат «Уралэлектромедь» (УГМК), «Трубная металлургическая компания» (ТМК). Данная группа имела серьезную медийную поддержку в виде Областной газеты, Областного телевидения (ОТВ) и Телевизионного агентства Урала (ТАУ). Группа мэра Екатеринбурга А.М. Чернецкого была представлена администрацией города Екатеринбурга, общественным движением «Наш дом – наш город» (создано в 1995 г.), межрегиональной ассоциацией «Города Урала»¹, строительной компанией «Атомстройкомплекс», ЗАО «Таганский ряд», Екатеринбургским муниципальным банком, газетами «Вечерний Екатеринбург», «Уральский рабочий», телеканалом «Студия 41». Обе группы в 1990-е гг. имели поддержку региональных и городских силовых ведомств.

Более десяти лет конфликт двух элитных групп был основой политического процесса в Свердловской области. Ключевым противоречием выступала проблема перераспределения экономических, финансовых ресурсов. Руководство

¹ Ассоциация, созданная в 1997 г. в Екатеринбурге, объединяет руководителей органов местного самоуправления двадцати городов Урала и Северо-Западной Сибири. Первым президентом с 1997 по 2001 гг. был А.М. Чернецкий.

города Екатеринбурга стремилось к экономической и политической независимости от региона за счет концентрации всех ресурсов в областном центре. Руководство области, в свою очередь, было заинтересовано в контроле и регулировании экономических и политических процессов муниципалитета. В 1990-е гг. конфликт города и области перешел в публичное пространство и превратился в постоянное выяснение отношений между двумя ведущими политиками региона (Мухаметов, 2017, с. 8). Но при этом, как отмечает В.Д. Власова (2005), конфликт области и города не затрагивал организации региональной власти, сущностных стратегических вопросов развития региона (с. 22). При внешней разьединенности и конфликтности элитные группы региона были связаны общей консолидирующей идеей. В этом контексте можно вспомнить теории М. Бертона и Дж. Хигли, которые рассматривали ценностный консенсус как основание структурной интеграции элит. У разьединенных элит такого консенсуса нет; что касается объединенных элит, то они, в свою очередь, делятся на централизованные элиты, какой была номенклатура, и консенсуально объединенные элиты, которые придерживаются негласных правил по поводу правил и норм политического поведения (Higley & Burton, 2006, pp. 3–4). В постсоветский период происходит переход от объединенной централизованной элиты к консенсуально объединенной элите, с сетевой олигархической структурой. Подобная сеть носит деструктивный характер, т.к. работает не на общественные интересы, а на интересы участников элитной группы, государственные институты не могут ограничить или повлиять на них, т.к. сами контролируются данными группами (Михайлова, 2014). Базовым консенсусом постноменклатурных элитных групп (как центрального, так и регионального уровней) стала приватизация государства, собственное обогащение, возможность передачи своего состояния и социального статуса по наследству. При этом для региональных элит другой важнейшей объединяющей идеей была необходимость подтверждения собственной субъектности и легитимации своего статуса.

Стремление всех групп региональной элиты к легитимации определило ключевые особенности их институционализации в Свердловской области. К этим особенностям можно отнести следующие: конфликт с федеральным центром и попытка создания Уральской республики, постоянная апелляция и акцентирование региональной идентичности, а также стремление обрести международную субъектность.

Проект Уральской республики, который стал основой так называемого «уральского сепаратизма», был создан в 1992–1993 гг. и связан с именем Э. Росселя, который в 1991 г. указом Президента РСФСР был назначен главой администрации Свердловской области. Но данный проект появился не спонтанно, идеи получения большей экономической самостоятельности Свердловской области (Среднего Урала) от союзных властей озвучивались еще в 1989 г. уральскими кандидатами в период выборов I Съезда народных депутатов СССР (Исаков, 1997, с. 102–107). 1 июля 1993 г. областным Советом народных депутатов была принята Декларация об изменении статуса Свердловской области, что, в свою очередь, означало провозглашение Уральской республики. 31 октября 1993 г. был подписан указ губернатора Уральской республики «Об осуществлении полномочий Губернатора Уральской республики». Выборы губернатора и Законодательного собрания Уральской республики, а также референдум по Конституции нового ре-

гиона были назначены на 12 декабря 1993 г. Но 10 ноября 1993 г. Э. Россель был отстранен от должности Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным.

Проект создания Уральской республики стал важнейшим этапом институционализации правящей элиты региона, а также попыткой легитимизации своего статуса. Стоит отметить, что данная идея была достаточно единодушно поддержана региональной элитой, включая мэра Екатеринбурга А.М. Чернецкого. Большинство исследователей сходятся во мнении, что этот проект был реакцией руководства региона и его политических групп на принятие Федеративного договора 31 марта 1992 г., который, в свою очередь, закрепил преференции национальных республик и асимметричный характер будущей федерации. Федеративный договор предоставлял национальным республикам возможность принимать собственные законы, избирать руководителей исполнительной власти, вести самостоятельную внешнеэкономическую деятельность, а также создавал выгодный режим межбюджетных отношений с федеральным центром (Мошкин, 2013, с. 104). Н.А. Комлева (2001) отмечает, что проект Уральской республики возник на основе правового неравенства российских регионов (прежде всего этнических республик и других регионов России) и стремления к выравниванию правовых и экономических параметров их существования (с. 20). Таким образом, проект Уральской республики – это, с одной стороны, попытка региональных элит получить ресурсы власти, с другой – обозначить для себя возможные пределы во взаимодействии с центром, которые в период политических и экономических реформ были крайне размыты. Можно согласиться с В.Д. Власовой (2005), которая отмечает, что провозглашение Уральской республики играло роль «лакмусовой бумажки» для определения ограничений региональных элит в их отношениях с федеральными органами власти (с. 20).

Формально проект Уральской республики был завершен в 1993 г., однако до сих пор идеи уральского сепаратизма прочно ассоциируются с регионом, первым губернатором и его правящей элитной группой. Не менее важно, что короткая история Уральской республики институционализовала конфликт как устойчивый вид взаимодействия субъектов региональной власти и федерального центра.

Прямым результатом истории с Уральской республикой и конфликта с федеральным центром стала активизация региональной идентичности со стороны правящей элиты региона. К.В. Киселев и А.Ю. Щербаков (2013) полагают, что проект Уральской республики – это попытка региональных элит легитимизировать «особую» уральскую идентичность перед лицом общества и государства (с. 142). Значимость региональной идентичности заключается в том, что она является маркером политической субъектности и легитимирует ее (Семененко, 2019, с. 452). В.Я. Гельман (2003) отмечает, что для региональной политической элиты «политика региональной идентичности становится «игрой на двух уровнях», которая ориентирована на внутрорегиональных и на внешних акторов, таких как федеральный центр, финансовые структуры, международные организации (с. 95).

Региональная идентичность – это принадлежность индивида к определенной региональной, географической общности, понимание и противопоставление своей группы по отношению к другим. Региональная идентичность включает в себя систему представлений, ассоциаций, мифов, связанных с восприятием

конкретного региона (Головнева, 2013, с. 83). Сформировавшаяся региональная идентичность мотивирует элитные группы к защите своих интересов. Таким образом, именно конфликт и противопоставление себя федеральному центру стимулировали развитие региональной идентичности свердловской элиты. Для обоснования самодостаточности уральской идентичности региональная элита актуализировала локальные мифы и образы, в частности, образ «уральской цивилизации» со своей системой ориентиров, отличных от среднероссийских (Головнева, 2013, с. 86). Формирование региональной идентичности правящей элиты Свердловской области стало одной из ключевых составляющих ее институционализации. Важную роль в этом процессе сыграли политические и общественные объединения, которые отстаивали региональные интересы в борьбе с федеральным центром. Для усиления эффекта в названиях этих объединений широко использовались региональные идентификаторы: «Преображение Урала», «Единство Урала», «Горнозаводской Урал», «Наш дом – наш город», «За Родной Урал» (Киселев, 2014, с. 207).

Наконец, утверждение региональной идентичности сопровождалось активизацией международной деятельности Свердловской области. Попытка обрести международную экономическую, политическую, культурную субъектность, политика суверенизации элитных групп, поддержка политического лидера Свердловской области Э. Росселя, а также отсутствие контроля со стороны федерального центра определили активное развитие парадипломатии региона. Региональная элита рассматривала развитие международной деятельности как политического института, альтернативного государству.

По итогам визита в Свердловскую область 25–27 апреля 1990 г. Президента СССР М. С. Горбачева было принято решение об открытии региона. В частности, город Свердловск (Екатеринбург) постановлением Совета министров СССР от 8 декабря 1990 г. № 1233–164 был открыт для въезда иностранных граждан.

С этого периода начинается активизация международной деятельности в регионе. В 1991 г. образовано Управление по международным и внешнеэкономическим связям области. В 1994 г. реорганизовано в Департамент международных и внешнеэкономических связей. Указом губернатора Свердловской области 1998 г. Департамент международных и внешнеэкономических связей преобразовали в Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, которое возглавил А. Г. Тарасов. С 1994 г. в Екатеринбурге начинается открытие зарубежных консульств, в результате чего столица Свердловской области превратилась в дипломатический центр Уральского региона. В 1994 г. было открыто первое диппредставительство в Екатеринбурге – Генконсульство США, в 1995 г. – Генеральное консульство Великобритании. К началу 2000-х гг. Екатеринбург стал третьим городом после Москвы и Санкт-Петербурга по количеству аккредитованных представительств. В 1996 г. открылось региональное представительство МИД РФ в Екатеринбурге.

Правящая элита региона была экономически и политически заинтересована в обретении международной субъектности и осваивала различные формы участия в международном сотрудничестве – от подписания международных соглашений с иностранными государствами до зарубежных визитов ведущих представителей власти, бизнеса, директоров региональных предприятий. А. Г. Тарасов, первый министр международных и внешнеэкономических связей

Свердловской области, так описывает работу министерства и зарубежные поездки представителей власти и бизнеса: «Мы были в струе развития области. Получение новых технологий, связей, лицензий – многие вопросы были завязаны на нас. Свердловскую область никто не знал, и нам с губернатором пришлось побывать в 55 странах, чтобы рассказать о ней. Мы, как правило, ТУ-154 брали. И каждое место занято»². Активно развивались отношения и кооперация со странами СНГ, причем на самом высоком уровне, когда региональные элиты во главе с губернатором области встречались с лидерами независимых государств, подписывали договоры, соглашения и т. п. Все это свидетельствует о крайней самостоятельности региональных групп в планировании зарубежных поездок, встреч и определении направлений международного сотрудничества, а также об отсутствии как правового регулирования парадипломатии, так и единой внешнеполитической линии государства. Очевидно, что обретение международной субъектности региональных элитных групп противоречило суверенитету государства. Не удивительно, что реформа федеративных отношений коснулась проблемы регулирования международной деятельности субъектов федерации. Согласно Федеральному закону РФ от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», регионы могут устанавливать связи только с субъектами иностранных федераций и территориально-административными единицами иностранных государств³. Таким образом, исключается возможность заключения договоров регионами России и центральными органами власти зарубежных государств. Что касается участия представителей региона в зарубежных поездках, политических или бизнес-мероприятиях, то такие визиты на сегодняшний день возможны только по приглашению главы государства и федеральных министров. Показательно, что во время посещения Екатеринбурга в июле 2019 г. Президент РФ В. В. Путин отметил, что «международные отношения – это прерогатива государства в целом. Суверенитет государства должен быть соблюден»⁴.

Заключение

Таким образом, в 1990-е гг. региональные элиты активно пытались получить и легитимизировать свою политическую, экономическую, культурную и даже международную автономию от центральной власти. Ключевыми особенностями развития региональных элитных групп Свердловской области стали институционализация неформальных практик, сетевой и клановый характер их функционирования, а также конфликтный тип взаимодействий с федеральным центром. С одной стороны, в результате федеративной реформы 2000-х гг.

² Некрасов, И. (2014, 10 января). *Проезжаю мимо резиденции – и не ёкает: интервью с Анатолием Тарасовым*. Взято 25 апреля 2021, с <https://ura.news/articles/1036263591>

³ *О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации*: Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ. Взято 26 апреля 2021, с <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-04011999-n-4-fz-o/#100009>

⁴ *Посещение Уральского федерального университета Президентом России* (2019, 9 июля). Взято 25 апреля 2021, с <http://kremlin.ru/events/president/news/60964>

региональные группы утратили политическую, экономическую, международную субъектность и автономию от центральной власти. С другой стороны, властная вертикаль и политическая унификация со стороны центра перевели конфликт региональной элиты и центра из публичной в неформальную сферу. Результатом является негласное сопротивление региональных элит внешнему воздействию, стремление адаптироваться к новым политическим условиям и сохранить идентификаторы региональной идентичности, прежде всего Урала как маркера региона. На этом основании мы можем сделать вывод о частичной институционализации региональной элиты Свердловской области в 1990-е гг., главным результатом которой является формирование элитных групп, ставших стабильной социальной базой региональной элиты. Данные группы, обладая ограниченной субъектностью, не могут самостоятельно создавать институциональные правила игры, но могут воспроизводить себя даже в условиях политической и экономической нестабильности.

Список литературы

1. Андреев, В. (2004). Российская приватизация: подходы и последствия. Вопросы экономики, (6), 57–78. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-6-57-78>
2. Барзилов, С. И., Чернышев, А. Г. (2005). Безумство власти: Провинциальная Россия: Двадцать лет реформ. М.: Ладомир.
3. Быстрова, А. С., Даугавет, А. Б., Дука, А. В., Колесник, Н. В., Невский, А. В., Тев, Д. Б. (2019). Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера. Власть и элиты, 6(2), 24–66. <https://doi.org/10.31119/re.2019.6.2.2>
4. Власова, В. Д. (2005). История общественно-политического развития Свердловской области в годы «перестройки» и становление новой российской государственности: 1985–2000 гг. [Автореф. дис. ... канд. ист. наук, УрГУ имени А. М. Горького]. Электронный научный архив УрФУ. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/693>
5. Гельман, В. Я. (2003). Стратегии региональной идентичности и роль политических элит. Журнал социологии и социальной антропологии, 6(2), 91–105.
6. Головнева, Е. В. (2013). Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения. Уральский исторический вестник, (2), 81–88.
7. Исаков, В. Б. (1997). Амнистия: Парламентские дневники, 1994–1995. Екатеринбург: Уральский рабочий.
8. Киселев, К. В. (2014). К вопросу об идентичности Свердловской области. Научный журнал «Дискурс-Пи», (2–3), 206–210.
9. Киселев, К. В., Щербаков, А. Ю. (2013). Урал: к вопросу об идентификационной динамике бренда. Вестник Пермского университета. Политология, (1), 138–150.
10. Комлева, Н. А. (2001). Идея Уральской республики как выражение формалистического характера Российской Федерации. В Б. Б. Багиров (Ред.), Российский федерализм: проблемы и перспективы дальнейшего развития (с. 18–26). Екатеринбург: Филантроп.

11. Магомедов, А.К. (2000). Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: Модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М.: МОНФ.
12. Михайлова, О.В. (2014). Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики [Дис. ... д-ра полит. наук, МГУ имени М.В. Ломоносова]. Электронная библиотека диссертаций РГБ. <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01005556256?page=1&rotate=0&theme=white>
13. Мошкин, С.В. (2013). Уральская республика. Хроники. Научный журнал «Дискурс-Пи», (3), 103–107.
14. Мухаметов, Р.С. (2015). Региональный политический режим: институциональный дизайн (на примере Свердловской области). Научный журнал «Дискурс-Пи», (1), 134–137.
15. Мухаметов, Р.С. (2017). Политические институты и процессы в Свердловской области. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
16. Норт, Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.
17. Понеделков, А.В. (2002). Политико-административная элита: генезис и проблемы становления в современной России. В В.П. Мохов (Ред.), Элитизм в России: «за» и «против»: Материалы конференции. Пермь: Издательство Пермского государственного технического университета. Взято 15 апреля 2021, с http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod3_id=90&pod_id=37
18. Понеделков, А.В., Старостин, А.М. (2006). Постсоветская эволюция региональных и местных административно-политических элит России. *PRO NUNC. Современные политические процессы*, 7(4), 69–85.
19. Понеделков, А.В., Старостин, А.М. (2008). Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее. *Полис. Политические исследования*, (6), 86–98.
20. Рябушко, А.Н. (2016). Роль информационных технологий в формировании образа региональных политических лидеров: на примере Ульяновской области [Дис. ... канд. полит. наук, СПбГУ]. Диссертационные советы СПбГУ. <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/627Xkjm1FM.pdf>
21. Семененко, И.С. (2019). Концепт идентичности в изучении политики. В О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин (Ред.), *Современная политическая наука: Методология* (с. 446–463). М.: Аспект Пресс.
22. Сморгун, Л.В. (2001). Сетевой подход к политике и управлению. *Полис. Политические исследования*, (3), 103–112.
23. Хигли, Дж. (2006). Демократия и элиты. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (журнал политической философии и социологии политики), (2), 22–31.
24. Ansell, C. (2008). Network institutionalism. In R. A.W. Rhodes, S. A. Binder, & B. A. Rockman (Eds.), *The Oxford handbook of political institutions* (pp. 75–89). Oxford: Oxford University Press.
25. Higley, J., & Burton, M. (2006). *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers.
26. Higley, J., & Pakulski, J. (2004). Anti-elitism as political strategy. In M. Sawyer, & B. Hindess (Eds.), *Us and Them: Anti-elitism in Australia* (pp. 15–32). Perth: API Network.

27. Hoffmann-Lange, U. (2007). Methods of elite research. In R. Dalton, & H.-D. Klingemann (Eds.), *The Oxford handbook of political behavior* (pp. 910–927). Oxford: Oxford university press.

28. Kryshantovskaya, O.V., & White, S. (2011). The formation of Russia's network directorate. Russia as a network state. In V. Kononenko, & A. Moshes (Eds.), *What Works in Russia When State Institutions Do Not?* (pp. 19–38). L.: Palgrave Macmillan.

29. Rhodes, R., & Marsh, D. (Eds.). (1992). *Policy network in British government*. Oxford: Clarendon Press.

References

1. Andreev, V. (2004). Rossijskaya privatizaciya: podxody i posledstviya [russian privatisation: Approaches and consequences]. *Voprosy e'konomiki*, (6), 57–78. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-6-57-78>

2. Ansell, C. (2008). Network institutionalism. In R.A.W. Rhodes, S.A. Binder, & B.A. Rockman (Eds.), *The Oxford handbook of political institutions* (pp. 75–89). Oxford: Oxford University Press.

3. Barzilov, S.I., & Chernyshev, A.G. (2005). *Bezumstvo vlasti: Provincial'naja Rossija: Dvadcat' let reform* [Insanity of Power: Provincial Russia: Twenty years of reform]. Moscow: Ladomir.

4. Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Kolesnik, N.V., Nevskij, A.V., & Tev, D.B. (2019). Institucionalizacija politicheskoj jelity: istochniki rekrutirovaniya i kar'era [Institutionalization of the political elite: Sources of recruitment and career]. *Vlast' i e'lity*, 6(2), 24–66. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>

5. Gelman, V. Ja. (2003). Strategii regional'noj identichnosti i rol' politicheskikh jelit [Political elites and strategies of regional identity]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 6(2), 91–105.

6. Golovneva, E.V. (2013). Regional'naja identichnost': teoreticheskie aspekty izuchenija [Regional identity: Theoretical research aspects]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, (2), 81–88.

7. Higley, J. (2006). Demokratija i jelity [Democracy and elites]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (zhurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki)*, (2), 22–31.

8. Higley, J., & Burton, M. (2006). *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers.

9. Higley, J., & Pakulski, J. (2004). Anti-elitism as political strategy. In M. Sawer, & B. Hindess (Eds.), *Us and Them: Anti-elitism in Australia* (pp. 15–32). Perth: API Network.

10. Hoffmann-Lange, U. (2007). Methods of elite research. In R. Dalton, & H.-D. Klingemann (Eds.), *The Oxford handbook of political behavior* (pp. 910–927). Oxford: Oxford university press.

11. Isakov, V.B. (1997). *Amnistija: Parlamentskie dnevniki, 1994–1995* [Amnesty: The Parliamentary diaries, 1994–1995]. Ekaterinburg: Ural'skij rabochij.

12. Kiselev, K.V. (2014). K voprosu ob identichnosti Sverdlovskoj

oblasti [To the question on identity of Sverdlovsk Region]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (2–3), 206–210.

13. Kiselev, K. V., & Shherbakov, A. Ju. (2013). Ural: k voprosu ob identifikacionnoj dinamike brenda [The Urals: To the question on brand identification dynamics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, (1), 138–150.

14. Komleva, N. A. (2001). Ideja Ural'skoj respubliki kak vyrazhenie formalisticheskogo haraktera Rossijskoj Federacii [The idea of the Ural Republic as an expression of the formalistic character of the Russian Federation]. In B. B. Bagirov (Ed.), *Rossijskij federalizm: problemy i perspektivy dal'nejshego razvitiya: Sb. nauch. statej* (pp. 18–26). Ekaterinburg: Filantrop.

15. Kryshtanovskaya, O. V., & White, S. (2011). The formation of Russia's network directorate. Russia as a network state. In V. Kononenko, & A. Moshes (Eds.), *What Works in Russia When State Institutions Do Not?* (pp. 19–38). L.: Palgrave Macmillan.

16. Magomedov, A. K. (2000). *Misteriya regionalizma. Regional'nye pravyashhie e'lity i regional'nye ideologii v sovremennoj Rossii: Modeli politicheskogo vossozdaniya "snizu" (sravnitel'nyj analiz na primere respublik i oblastej Povolzh'ya)* [The mystery of regionalism. Regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: Models of political reconstruction "from below" (Comparative analysis on the example of the republics and regions of the Volga area)]. Moscow: MONF.

17. Mihajlova, O. V. (2014). *Setevaja arhitektura gosudarstvennogo upravljenija: problemy konceptualizacii i praktiki* [Network architecture of public administration: Problems of conceptualization and practice] [Doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University]. The Digital Dissertation Library of the Russian State Library. <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01005556256?page=1&rotate=0&theme=white>

18. Moshkin, S. V. (2013). Ural'skaja Respublika. Hroniki [The Ural Republic. Chronicles]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (3), 103–107.

19. Muhametov, R. S. (2015). Regional'nyj politicheskij rezhim: institucional'nyj dizajn (na primere Sverdlovskoj oblasti) [Regional political regime: Institutional design (on the example of the Sverdlovsk Region)]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (1), 134–137.

20. Muhametov, R. S. (2017). *Politicheskie instituty i processy v Sverdlovskoj oblasti* [Political institutions and processes in the Sverdlovsk Region]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

21. Nort, D. (1997). *Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow: Nachala.

22. Ponedelkov, A. V. (2002). Politiko-administrativnaja jelita: genesis i problemy stanovlenija v sovremennoj Rossii [Political and administrative elite: Genesis and problems of formation in modern Russia]. In V. P. Mohov (Ed.), *E'litizm v Rossii: "za" i "protiv": Materialy konferencii*. Perm: Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Retrieved April 15, 2021, from http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod3_id=90&pod_id=37

23. Ponedelkov, A. V., & Starostin, A. M. (2006). Postsovetskaja jevoljucija regional'nyh i mestnyh administrativno-politicheskikh jelit Rossii [Post-soviet

evolution of regional and local administrative and political Russian elites]. *PRO NUNC. Sovremennye politicheskie processy*, 7(4), 69–85.

24. Ponedelkov, A. V., & Starostin, A. M. (2008). Regional'nye administrativno-politicheskie e'lity Rossii: proshloe, nastoyashhee, budushhee [Russia's regional administrative-political elites: The past, the present, the future]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (6), 86–98.

25. Rhodes, R., & Marsh, D. (Eds.). (1992). *Policy network in British government*. Oxford: Clarendon Press.

26. Rjabushko, A. N. (2016). *Rol' informacionnyh tehnologij v formirovanii obraza regional'nyh politicheskikh liderov: na primere Ul'janovskoj oblasti* [The role of information technologies in shaping the image of regional political leaders: The example of the Ulyanovsk Region] [PhD dissertation, St. Petersburg University]. Dissertation Councils of Saint Petersburg State University. <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/627Xkjm1FM.pdf>

27. Semenenko, I. S. (2019). *Koncept identichnosti v izuchenii politiki* [The Concept of identity in the study of politics]. In O. V. Gaman-Golutvina, & A. I. Nikitin (Eds.), *Sovremennaja politicheskaja nauka: Metodologija* (pp. 446–463). Moscow: Aspekt Press.

28. Smorgunov, L. V. (2001). *Setevoy podhod k politike i upravleniju* [The network approach to policy making and governance]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (3), 103–112.

29. Vlasova, V. D. (2005). *Istorija obshhestvenno-politicheskogo razvitija Sverdlovskoj oblasti v gody "perestrojki" i stanovlenie novoj rossijskoj gosudarstvennosti: 1985–2000 gg.* [The history of social and political development of the Sverdlovsk Region during the "perestroika" and the formation of the new Russian state: 1985–2000] [PhD dissertation abstract, Ural State University named after A. M. Gorky]. Electronic scientific archive of the Ural Federal University. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/693>

Информация об авторе

Анна Гегамовна Наронская, кандидат политических наук, доцент, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-5884>, e-mail: a.g.naronskaya@urfu.ru

Information about the author

Anna Gegamovna Naronskaya, Candidate of Political Sciences, Docent, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-5884>, e-mail: a.g.naronskaya@urfu.ru